

БЛИЗ НАБЕРЕЖНОЙ КАРПОВКИ

Он толком о себе ничего не знает.

Никто ничего ему не объяснил.

Конечно, что-то он слышал, но люди все больше между собой общались. А ему дарили цветы, обнимали, гладили, повязывали шарф. Садились рядом, молчали.

Повод для встреч был всегда печальный.

Горе собирает всех вместе, но кого-то вечно не хватает.

Вот плакучую иву посадили. Ива плачет над землей. Ива и горе растут.

...Никто, никто не рассказал ему все по порядку. Оно и понятно: кто же в здравом уме будет что-то рассказывать скульптуре? Так иногда поступают художники, но автор скульптуры умер. Оставил эскиз, а по эскизу уже другие руки воссоздали образ.

Теперь образ сидит на скамейке близ набережной Карповки. Глаза его закрыты. Печальный ангел.

Уже четвертый месяц он живет на скамейке. И все в его жизни происходит в первый раз: первая весна, первое лето...

С каждым днем у него появляется все больше новых знакомых. По большей части это, конечно, врачи – за его крыльями находится Первый медицинский институт.

Вот и сейчас к нему подседа женщина: на ней белый халат, прямо в тон к только что насту-

пившей июльской ночи. Ее обнял платок: такая сетка из фиолетовых шерстяных нитей – можно корюшку ловить, а можно – на плечи. Она не петербурженка – ленинградка. Курит. Сигарета заканчивается, она берет следующую, никуда не спешит.

Вдруг на скамейку присели еще двое. С их слов ангел понял, что он красив и похож на Пушкина. Девушка провела рукой по его медным кудрям.

– Ты представляешь, это такая странная история...

И «Печальный ангел» впервые начинает понимать собственную печаль...

Жили на свете две красивые женщины: мать и дочь.

И встретили они двух красивых братьев.

И было в этот день сыграно две свадьбы.

И стали они жить так, как принято только в сказке: счастливо.

Но потом в город пришла Смерть.

Жители прятались, скрывались в своих домах, не выходили на улицу. Но она все равно их находила. Недобрые вести плыли по белу свету: умер, умерла, умерли. Смерть вошла в привычку.

Иногда Смерть жила в человеке подолгу, но потом покидала его, словно бы ей вдруг стало скучно.

...Всем снится этот сон, когда пытаешься закричать, а крика нет. Освободившись от объятий Смерти, мать и дочь увидели, что исчез и младший брат. В доме остались только вдовы.

И вот однажды она поселилась в старшем брате. Ухаживал за ним младший. Женщин берегли. И смерть отступила: стала ходить по комнатам, смотрела в окна. Ей открыли дверь, сказав:
– Уходи.

Она взяла под руку старшего брата и ушла. А через несколько дней вернулась в одиночестве. И обняла всех скорбящих.

...Всем снится этот сон, когда пытаешься закричать, а крика нет. Освободившись от объятий Смерти, мать и дочь увидели, что исчез и младший брат. В доме остались только вдовы.

Повсюду уже твердили, что изобретено противоядие. Противоядие есть, а братьев – нет. От младшего осталась мастерская, в которой жили ангелы. И один из них поселился близ набережной Карповки.

Горожане полюбили его, он утопал в цветах. Но раздавались и другие голоса: «Это не ангел! Это урод! Он портит вид набережной!..»

Злые слова были громкими, но еще громче был выстрел. Вдову художника звали Мария. Все газеты написали, что она «добровольно ушла из жизни».

Такая петербургская история...

